

ЗА ГЛУБОКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА ПЕРВОИСТОЧНИКОВ.

При современной дифференциации наук исследование истории древнего мира давно уже составляет специальную область. Если филолог изучает культуру древнего мира, особенно литературу и язык, путем всесторонней интерпретации памятников слова, то историк, привлекая для своих исследований те же памятники письменности, дополняет их анализом памятников вещественных. Глубокое изучение письменных источников должно основываться не на переводах, а на подлинниках. Для этого историк необходимо хорошо знать язык подлинника.

Правда, ряд древних авторов имеется в русских переводах (античные историки: Геродот, Фукидид, Полибий, Страбон, Саллюстий, Тит Ливий и др.). Недавно в ВДИ был переиздан в новой редакции перевод акад. В. В. Латышева «Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе», переведены избранные латинские надписи и другие источники для истории древнего мира, будет печататься русский перевод *Scriptores Historiae Augustae* и т. д. Перевод источников необходим, ибо хороший перевод — это толкование и интерпретация источников переводчиком. Нужны переводы и для того, чтобы облегчить ознакомление с источниками широкому кругу специалистов смежных областей, например ассириологам с источниками по Египту, античникам с китайскими источниками и т. д. Полезны хорошие переводы и для учебной работы, но даже хороший перевод не может заменить исследователю текст подлинника.

На необходимость для историков изучать язык подлинников уже обращалось внимание в передовой статье ВДИ (1956, № 2) и указывалось, что невозможно вести исследовательскую работу по древней истории, не владея в полной мере языком первоисточников. Историки античного мира должны помнить, как хорошо знали и ценили греческий и латинский языки К. Маркс и Ф. Энгельс. В письме к Энгельсу от 27 февраля 1861 г. Маркс писал: «По вечерам отдыха ради увлекался „Гражданскими войнами в Риме“ Аппиана в греческом оригинале»¹. Энгельс всегда обращался к источникам в подлиннике. Анализируя древнюю общину, Энгельс начал изучать фризско-англо-готско-скандинавскую филологию и археологию, а 15 июля 1865 г. он писал Марксу: «Я изучаю теперь сказки Гримма, германские героические саги, древнефризское право и т. д. Лишь только я с этим несколько справлюсь, я серьезно перейду к древне-норвежскому языку»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 15.

² Там же, стр. 292.

Этот пример классиков марксизма должен напомнить будущим специалистам по древней истории и тот факт, что дошедшие до нас античные тексты по большей части содержатся в рукописях позднего происхождения (прибл. с IX по XV в.), что делает достоверность этих текстов сплошь и рядом спорной, допускающей многочисленные варианты. Исследователь, таким образом, стоит перед необходимостью самостоятельного решения той или иной проблемы критики текста, связанной с его исследовательскими интересами.

Особенно тонкое знание языка историку необходимо при изучении надписей, ибо древние надписи, чтение которых является бесспорным, также весьма редки, но в любом случае исследователь должен самостоятельно подходить к анализу текста.

Для понимания первоисточников историк, так же как и филолог, должен быть знаком и с историей языка. Язык Геродота отличается от языка Полибия, язык Катона — от языка Тацита и языка Аммиана Марцеллина и т. д.

Классические языки — латинский и греческий — необходимы не только для историка древнего мира, но и для историка средних веков и более позднего времени (дипломатическая переписка, грамоты, целые трактаты и т. д.). На латинском и греческом языках написаны важнейшие источники по истории народов Балканского полуострова: албанцев, болгар, сербов, хорватов и т. д., не только в древнее время, но вплоть до середины XIX в. Имеется много источников на этих языках и по истории СССР как древнейшего (киевского) периода, так и XVII—XVIII вв. и многих других разделов истории. Наконец, хотя бы элементарные знания древних языков необходимы и преподавателю средней школы: без этого он не будет понимать значения и происхождения ряда исторических терминов.

Сказанное выше в еще большей степени относится к историкам древнего Востока. Филологическая подготовка специалистов в этой области еще более сложна, так как в большинстве случаев историк древнего Востока должен владеть рядом древневосточных языков и одновременно латинским и древнегреческим языками.

Так, для исследователя истории хеттских и хурритских государств необходимо знание ряда древних индоевропейских и семитических языков. Владеть разнообразными древними языками необходимо и историку Восточного Средиземноморья эллинистическо-римского времени (клинопись, египетская демотика, коптский, среднеперсидский, сирийский, арамейский, древнеармянский).

Египтолог должен, помимо древнеегипетского, владеть коптским, а также древнееврейским и арабским языками. Без этого нелегко подлинно научное понимание древнеегипетского языка и истории древнего Египта. Семитолог любой специальности должен знать арабский. Ассириолог помимо аккадского языка не может обойтись без шумерского и древнееврейского.

Но недостаточно просто читать тексты и уметь их переводить. Ввиду скудости источников, относящихся к истории древности, зачастую приходится делать выводы на основании отдельных намеков, строить заключения на основе слов, перешедших из одного языка в другой, датировать источник, исходя из его лингвистических особенностей. Данные языка помогают иногда проникнуть в смысл возникновения ряда социальных институтов. Это ставит вопрос и об общелингвистической подготовке студента-историка, специализирующегося по античной истории или истории стран древнего Востока. Для этого недостаточно обычно читаемого курса «Введение в общее языкознание». Надо, чтобы, помимо изучения основ

арабского для семитолога и основ санскрита для историка индоевропейских народов, читались курсы сравнительной грамматики семитских и индоевропейских языков и, может быть, даже проводились семинарские занятия по истории языка, изучаемого будущим специалистом в качестве основного.

Только коренным образом улучшив востоковедное образование, мы сможем добиться более высокого научного уровня подрастающего поколения специалистов. Поэтому представляется вполне целесообразным открытие с этого года специального Института востоковедения в Московском университете.

К сожалению, современное состояние обучения древним языкам на исторических факультетах университетов оставляет желать лучшего. Так, если в Ленинградском государственном университете для студентов кафедры истории древнего Востока обучение восточным языкам начинается с первого курса, то в Тбилисском государственном университете, где филологическая сторона востоковедения в общем поставлена вполне удовлетворительно, обучение древневосточным языкам начинается только с IV или V курса, и будущим специалистам предоставляется доучиваться в аспирантуре. Имеются и такие курьезные случаи, когда студенты, специализирующиеся в течение пяти лет по истории эпохи империализма, зачисляются в аспирантуру по древней истории и должны в ускоренном порядке овладеть древневосточными языками. Это, конечно, не способствует повышению квалификации.

Не всегда благополучно обстоит дело и с преподавательскими кадрами. Руководители вузов зачастую избегают привлечения редких специалистов по древним языкам на почасовую оплату. Еще более неохотно идут они на создание малочисленных языковых групп (2—3 студента), а между тем ясно, что по редким языкам только такие малые группы и нужны.

Если теперь обратиться к программам исторических, ныне историко-филологических факультетов педагогических институтов, то с грустью приходится констатировать, что преподавание латинского языка (не говоря уже о греческом) как обязательного предмета в настоящее время полностью изъято из учебных планов. Аспирантам на этих факультетах, специализирующимся по древней истории, по древним языкам, дается весьма слабая подготовка; на эту подготовку отводится всего 120 часов. Естественно, что качество защищаемых в педвузах кандидатских диссертаций по древней истории, как правило, оставляет желать много лучшего.

Несравненно более серьезная филологическая подготовка дается историкам древности на исторических факультетах университетов. В Московском университете имеется отдельная кафедра древних языков на историческом факультете, помимо кафедры классической филологии на филологическом факультете. Это в значительной мере обеспечивает должное преподавание, главным образом латинского языка, особенно для специалистов по истории средних веков, истории славян, искусствоведов; но для специализирующихся по истории античного мира отводимые им 280—320 часов являются явно недостаточными.

Хуже обстоит дело с изучением древнегреческого языка. Уже тот факт, что изучение его ведется для желающих специализироваться по античной истории лишь факультативно и только с 3-го семестра, нельзя признать нормальным. Греческий язык сложен и труден, в отличие от латинского, сохранились его диалекты. Специалисту по античной истории почти невозможно овладеть этим языком за 300—400 часов, уделяемых программой преподавания, а ведь греческий язык должен знать не только

историк Греции, но в равной мере и востоковед, и историк Рима, и, конечно, историк Византии. Необходимо знание греческого языка и историку СССР, поскольку он имеет дело с документами древнерусского права, часто связанными с правовыми памятниками Византии.

Таким образом, даже на исторических факультетах университетов с филологической подготовкой студентов дело обстоит не вполне благополучно. Выпускаемые университетами кадры специалистов по истории древнего мира крайне малочисленны. Это в значительной степени зависит от общего положения филологических дисциплин в системе высшего образования. Существующее ныне положение нужно срочно и коренным образом изменить. Не случайно вопрос о классической филологии, поднятый на страницах нашей периодической печати, вызвал столь широкий отклик общественности.

